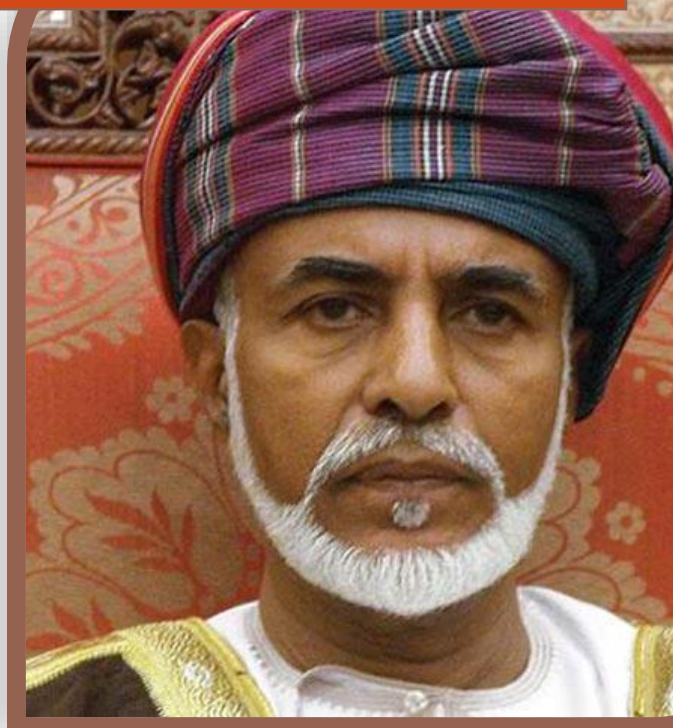

Кабус бин Саид

Знамя перемен

Сергей Плеханов

Член Союза писателей России, член РСМД

Для тех, кто внимательно следит за политическими процессами, происходящими на Ближнем Востоке в последние десятилетия, давно стали очевидны две тенденции — стагнация республиканских режимов, возглавляемых бессменными лидерами, и набирающая силу социально-политическая модернизация в странах, где правят наследственные династии. Показательно, что с началом «арабской весны» 2011 г. готовность к социальным преобразованиям продемонстрировали монархи региона (Марокко, Иордания, Саудовская Аравия, Оман), а не лидеры формально демократических государств (Египет, Йемен, Ливия, Сирия), которые проявили особую жестокость при подавлении протестов.

Несмотря на то, что сегодня в политику вовлечены широкие массы, далеко не для всех очевидно, что понятие демократизации — ключевое в том комплексе реформ, который обозначается общим термином «модернизация». История мусульманских обществ в XX в. изобилует примерами того, как «догоняющая» страна пыталась перенять внешние стороны современной цивилизации без учета духовного потенциала нации. Первыми на этот путь вступили Турция при Ататюрке и Иран при Реза Пехлеви. Перемены осуществлялись методами администрирования, и нередко сопровождалась искоренением народных обычаев, предпринимались попытки секуляризации и ограничения влияния духовенства. Хотя правящие круги и декорировали фасад государства атрибутами западных демократий — парламент, партии, некоторые цензурные послабления — на самом деле это приводило лишь к отрыву элиты от основной массы населения, закладывало под фундамент политической системы мощный заряд неудовлетворенности масс своим бесправным положением. Классический пример провала такого рода модернизации являет судьба «белой революции», задуманная шахом Мухаммедом Реза Пехлеви в 1960-х гг. Внедрение чуждого образа жизни, огромный размах коррупции и nepотизма, опора на бесчисленных иностранных советников, прежде всего американских, которым была предоставлена юридическая неприкосновенность, — все это оскорбляло нравственные и религиозные чувства граждан страны, которые чувствовали себя людьми второго сорта. И это обстоятельство перевесило очевидные

успехи экономического развития страны: повышение уровня жизни, создание современной инфраструктуры, улучшение медицинского обслуживания и образования.

Подобный ход событий можно было наблюдать и в Индонезии, где сорок лет железной рукой правил генерал Хаджи Мухаммед Сухарто. Схожие процессы определили опасную нестабильность в Алжире, Пакистане. И совсем недавно привели к революциям в некоторых арабских странах.

То, что делается в современных арабских монархиях — это принципиально иной тип модернизации. Почти все правители этих стран уже несколько десятилетий проводят политические реформы, цель которых — приобщение народов к делам управления. При этом ни один из монархов региона не предпринимал резких изменений, предпочитая осторожные, постепенные нововведения. Хотя в ряде конкретных ситуаций можно и нужно было действовать более решительно.

Сохранившаяся традиционная элита, обладающая многовековым опытом управления, быть может, иногда подчиняется своего рода политическому инстинкту, но ведь он и редко подводит ее. Если сравнить этот политический стиль с действиями тех новых элит, которые сформировались после захвата власти военными заговорщиками во многих соседних странах, можно увидеть, что новички у власти склонны к импульсивным решениям, внешне эффективным, но недостаточно продуманным. Что приводит не к рывку вперед, как объявлялось, но отбрасывает страну назад. Примеры такого руководства показали революционные лидеры Южного Йемена, Ирака, Египта, Алжира. Если постараться выстроить своего рода графики прогресса, взяв за точку отсчета середину XX в., то обнаружится, что страны, находившиеся на гораздо более высокой ступени развития, чем монархии Персидского залива, сегодня в значительной степени отстали от них, утратив свои преимущества в области человеческого развития, не говоря уже об экономическом прогрессе.

В начале 2008 г. Всемирный Банк опубликовал рейтинг стран по бюджетным расходам на душу населения. Оказалось, что почти всю первую десятку составили монархии, как западные, так и восточные. Против цифр не поспоришь — выходит, наибольшую заботу о народе проявляют наследственные правители, а не те, кто громко кричит о социальной справедливости.

Внутриполитическая стабильность, взвешенность и реалистичность программ развития, миролюбивая внешняя политика — вот те условия, которые обеспечили поступательное движение арабских монархий к новому состоянию общества. Конечно, помимо перечисленных черт стратегии развития, общих для всех этих стран, немаловажное значение имеет и индивидуальный политический почерк каждого правителя. Особый интерес представляет стиль руководства султана Омана Кабуса бин Саида, на сегодня самого опытного арабского лидера, давно получившего прозвище «Мудрый человек Залива».

В 1970 г. только что взошедший на престол тридцатилетний Кабус бин Саид объявил обширную программу преобразований. С подобными заявлениями обычно выступает каждый лидер, приходящий к власти. Но после небольшого косметического ремонта все остается по-прежнему. Дело не только в наличии или отсутствии воли к изменениям. Легко что-то менять, если вы живете в хижине из ветвей, но, если вашему дому не одна сотня лет, приходится проявлять осторожность. Поэтому столь часты диаметрально противоположные по целям «революции» в отсталых странах — то строим социализм, то внедряем рыночную экономику, то устанавливаем диктатуру, то объявляем народовластие. Но в странах старой культуры такие шараханья редки, здесь понимают: слишком опасно трогать несущие конструкции общества. Султанат Оман, в отличие от большинства небольших монархий Персидского залива, никогда нельзя было отнести к числу стран с примитивной организацией общества. Существовавшая веками земледельческая культура, развитое мореплавание и морские промыслы,

ремесленное производство и прежде могли стать основой модернизации. Само по себе наличие нефти не являлось условием прогресса страны, что неоднократно подтверждалось и в годы правления предшественника султана Кабуса, и на опыте его собратьев из соседних стран. И в то же время на глазах у них разворачивалась историческая драма с иранским шахом в главной роли — при несомненных достижениях нарастало и недовольство влиятельных общественных сил.

Первой и важнейшей задачей султана Кабуса на первом этапе стало обеспечение политической стабильности. В южной провинции Дофар уже несколько лет продолжался конфликт, подпитываемый внешними силами, прежде всего марксистским Южным Йеменом. Непокойно было и в предгорьях северной части страны; без примирения с местными племенами, составлявшими опору консервативной оппозиции, нельзя было рассчитывать на безопасную добычу и транспортировку нефти. Объявив о переименовании страны в султанат Оман (вместо «Маскат и Оман» как было при его отце), Кабус ликвидировал правовую основу для противостояния двух частей государства. Вместо прежнего красного знамени был введен трехцветный бело-зелено-красный флаг. Лидеру консервативного лагеря имаму Галебу, эмигрировавшему в Саудовскую Аравию, было предложено вернуться на родину. Правительство возглавил дядя султана Тарик бин Теймур, популярный политик-либерал, прежде проживавший в изгнании. Впервые структуре правительства был придан современный вид; кроме двух министерств, существовавших прежде, — внутренних и иностранных дел — появились министерства экономики, просвещения, здравоохранения, юстиции и т.д. Началась реализация экономических и социальных программ — от строительства международного аэропорта до разработки первого пятилетнего плана развития страны.

Но если либерализация внутренней политики страны обеспечила довольно быстрое замирение мятежных племен, воевавших под знаменем имама, то борьба с повстанцами в Дофаре оказалась более сложной задачей. После своего прихода к власти султан Кабус

объявил амнистию всем, кто выступал против монархии с оружием в руках. Была принята и начала осуществляться программа развития Дофара. Но противник не принял оливковую ветвь мира. Поэтому султан вынужден был направлять значительные средства на нужды армии — военный бюджет страны в годы его правления оказался одним из самых напряженных в мире и превышал 40%. Можно представить себе масштаб событий по таким цифрам — эта десятилетняя война, охватившая почти четверть территории Омана, вынуждала держать в зоне боевых действий 10-тысячную армию. Пожалуй, для страны с миллионным населением это то же, чем была для России гражданская война.

После победы в этом кровопролитном конфликте султан не стал мстить проигравшим. Напротив, наиболее талантливым оппозиционерам были предложены высокие посты в правительстве, им была предоставлена возможность создавать крупный бизнес и обогащаться. Та война словно бы вычеркнута из национальной памяти, никто не хочет вспоминать о ней.

На годы наибольшей интенсивности боевых действий в Дофаре пришелся застой в добыче нефти. Только с 1975 г. начался устойчивый рост. Являясь основой экономики Омана, доходы от экспорта нефти позволили реализовать масштабные проекты в экономической и социальной области. Прокладка сотен километров трубопроводов и строительство портов, развитие современной дорожной сети и широкое жилищное строительство, возведение промышленных объектов и инвестиции в сельское хозяйство, открытие сотен школ, университета и развитие здравоохранения, работы по защите окружающей среды и реставрация многочисленных памятников архитектуры — все это результаты 45-летнего правления султана Кабуса. То, на что некоторым европейским нациям потребовались столетия, небольшая арабская страна сумела сделать за два-три десятилетия. При этом важно отметить, что по уровню обеспеченности нефтью Оман далеко не столь богат, как его соседи. К тому же и условия ее добычи и транспортировки делают себестоимость оманской нефти гораздо выше, чем саудовской или эмиратской. Так что первым условием

прогресса оказалась все же не нефть, а компетентное руководство. Можно представить себе, каковы были бы результаты, если бы во главе страны в этот период оказались марксисты из Фронта освобождения Омана.

Активизация внешней политики Омана с приходом к власти султана Кабуса, прежде всего в отношении ближайших соседей, позволила решить накопившиеся проблемы и в этой сфере. Прежде султанат находился в изоляции, поддерживал отношения лишь с несколькими странами и не был представлен в международных организациях. В 1971 г. Оман был принят в ООН и в Арабскую лигу государств. В течение нескольких лет были установлены отношения с десятками стран. Период векового изоляционизма закончился. Если прежде визит иностранного представителя любого ранга был экстраординарным событием, то при султани Кабусе в стране побывали почти все ведущие политики Запада и Востока.

Самостоятельность и прагматизм Кабуса бин Саида выразились в его позиции по ряду международных проблем. Поддержал Кемп-Дэвидские соглашения в тот момент, когда большинство арабских стран выступило против них. Разрешил США складирование тяжелых вооружений на оманском острове Масира. Но вскоре установил дипломатические отношения с Советским Союзом, хотя холодная война еще продолжалась, а советские войска стояли в Афганистане. Рискуя оказаться под ударом со стороны хомейнистского Ирана, разрешил США использовать военно-воздушные базы Омана для проведения операции по освобождению заложников в американском посольстве в Тегеране. А ныне именно султан Кабус обеспечил проведение конфиденциальных встреч представителей США и Ирана, приведших к прорыву на многосторонних переговорах по ядерному досье Ирана. И сегодня Оман занимает гибкую позицию по многим вопросам, в частности, последовательно выступает за взвешенное отношение к внутренним конфликтам в Сирии и Йемене.

Обеспечив всеобщее начальное образование и ликвидировав неграмотность взрослого населения, правительство Омана создало

условия для формирования современного общества, которое нельзя представить без развитой системы массовых коммуникаций и информации. Сегодня в стране издаются десятки газет и журналов на арабском и английском языках, телевидение и Интернет доступны не только оседлым жителям, но и бедуинам. Ежегодные туры султана по стране широко освещаются масс-медиа, что служит как укреплению престижа власти, так и поддержанию двусторонней связи монарха и подданных. Какой контраст с теми временами, когда радиоприемник можно было слушать лишь имея разрешение султана, а самого правителя лицезреть могли лишь единицы!

Современный административный аппарат, начавший складываться после 1970 г., в значительной мере отвечает той задаче, которая была сформулирована в первой речи, с которой Кабус бин Саид обратился к народу после прихода к власти, — создать «новое, эффективное правительство в кратчайший срок». Стремительный рост числа государственных служащих (если в 1970 г. их было всего 1750, то сегодня десятки тысяч) свидетельствует о формировании разветвленной системы управления, но в то же время чреват определенными издержками — в России, веками страдающей от произвола бюрократов, не надо долго объяснять, что имеется в виду. Определенное сходство имеется и в «строительстве капитализма» у нас и в Омане. Новая буржуазия не спешит вкладывать средства в развитие производства, предпочитая быстрое обогащение в сфере торговли и посредничества. При этом она находит влиятельных союзников в лице чиновничества.

Главную роль в развитии Омана сегодня играет государство. Монарха не удовлетворяет динамичный рост экономики, он ставит задачу преодолеть ее сырьевую направленность, развивать производственную сферу как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но главный вызов времени — возмужание поколения, уже не помнящего скудости, в которой росли его отцы. У этого поколения высокие стандарты потребления и ясно выраженное стремление к большей социальной роли.

Сегодня ставки для политической элиты еще более высоки, чем сорок лет назад, когда шла борьба за выживание монархической

государственности. Султан Кабус со свойственной ему проницательностью заметил в беседе с автором этих строк еще в начале 2005 г.: «Те времена, когда где-то наверху узкий круг лиц решал, а всем остальным оставалось лишь выполнять, прошли. Сегодня надо всех сделать ответственными, научить самим решать». С большой убежденностью он говорил, что на повестке дня — прозрачность принятия решений, прозрачность системы управления, прозрачность во всем.

Сегодня мы видим, что низы тоже осознают: решения уже не являются прерогативой немногих людей «где-то наверху». Пришли в движение огромные массы людей. Отголоски «арабской весны» докатились и до Омана. Впрочем, здесь демонстранты не бушевали, протесты носили мирный характер. Знаменем перемен здесь был султан — толпы молодежи собирались с его портретами и национальными флагами. А главными требованиями стали ликвидация безработицы и отстранение коррумпированных министров.

Недовольство, выплеснувшееся на улицу, имеет специфическую, если не сказать, парадоксальную природу. Издавна около трети населения и, соответственно, рабочей силы, составляют выходцы из Индии, Пакистана и некоторых других азиатских стран. Политика «оманизации» — замещения иностранных специалистов своими доморощенными кадрами объявлена уже давно, еще в первые годы независимости. Но пока дело свелось к занятию должностей в административном аппарате и в крупных компаниях. Немного найдется оманцев, желающих стать электриками или сесть за руль грузовика. Рост потребностей страны в массовых специальностях удовлетворяется по-прежнему за счет импорта. Это проблема не только оманская. Курс на «саудизацию», «катаризацию» и так далее провозглашен во всех странах Залива, но видимых сдвигов пока не произошло. Стремление властей побудить молодежь к работе в мелком бизнесе и на производстве пока дает скромные результаты. Продолжает расти число выпускников университетов, годами дожидаящихся, когда появится вакансия в правительственной

структуре. Именно такие «безработные» вышли на улицы в Омане весной 2011 г.

Университетов открывается все больше, и все больший процент выпускников школ предпочитает продолжить образование, а не начать трудовую жизнь. Хотя всем известно, что получившие высшее образование молодые люди могут по пять-шесть лет оставаться без работы, ожидая вакансии в государственном секторе. Стабильность и высокие социальные гарантии являются самым желанным общественным статусом.

Работа в частном секторе является уделом в основном иностранцев, которых здесь проживает более миллиона. А они соглашались работать за такие деньги, которые для оманца неприемлемы. Отчасти демонстрации весной 2011 г. были вызваны недовольством из-за низких доходов именно в частном секторе, что опосредованно приводило к недостаточной занятости коренного населения. Показательно, что незадолго до этих выступлений султан распорядился повысить минимум заработной платы в частном секторе со 140 до 200 риалов (520 долларов).

После начала протестов (первая волна — в крупном портовом городе Сохаре) султан отреагировал немедленно: министру Дивана (аналог нашей Администрации президента) было поручено выехать и встретиться с протестантами, выслушать их требования и договориться о необходимых мерах. Уже на следующий день, 26 февраля появился указ о создании 50 тыс. новых рабочих мест, о поддержке людей, ищущих работу. Были учреждены новые должности в полиции, в армии, создаются дополнительные стимулы для малого бизнеса. Согласно распоряжению султана каждый безработный будет получать по 150 риалов в месяц до трудоустройства. Затем последовали решительные меры по обновлению политической элиты — почти все министры были отправлены в отставку.

По историческим меркам задуманные султаном реформы были проведены быстро — на глазах одного поколения. Но, как ни парадоксально, если попытаться сформулировать главные принципы перемен в Омане — это постепенность и непрерывность. Каким терпением и выдержкой нужно обладать, чтобы сохранить внешне неспешный темп! Чтобы понять, о чем идет речь, полезно сопоставить динамику процессов в нескольких соседних странах. При богатстве Катара ему, казалось бы, нечего опасаться — можно проводить реформы, врубив «высокую передачу». Но объявленный еще в конце прошлого века переход к формированию Совещательного Совета на выборной основе так до сих пор и не состоялся, хотя всенародное голосование неоднократно анонсировалось. Позиционировав себя как поборника демократии в арабском мире, руководство эмирата у себя дома как будто чего-то до сих пор побаивается. Явное торможение совпало с событиями «арабской весны». Казалось бы, оманскому лидеру стоило проявить еще большую осмотрительность, ведь, в отличие от распухшей от денег казны Катара, финансовые ресурсы султаната гораздо скромнее, и он не может трудоустроить огромную армию желающих занять должность на государственной службе. А именно это, подчеркну еще раз, было основным требованием молодежи, вышедшей на улицы Сохара и Салалы в апреле-мае 2011 г.

При наличии большой потребности в квалифицированных работниках во всех отраслях народного хозяйства в султанате образовался значительный слой безработных выпускников школ и университетов, годами сидящих на шее у родителей в ожидании того, когда освободится вакансия в государственном секторе. Именно эти люди составили основу протестных толп, собиравшихся то в одном, то в другом оживленном месте, наполнявших палаточный городок, разбитый в центре Салалы.

Эти события показали, кстати сказать, провидческий характер постоянных призывов султана к развитию самодеятельности среди молодежи. В то же время монарх предупреждал об опасности бюрократического перерождения, которая не обошла ни одно

общество — будь то буржуазное, социалистическое или традиционное. Именно факты злоупотребления своим положением служащими государственного аппарата обычно дают основания для обвинений в коррупции, порождают протестные настроения.

Вскоре после событий «оманской весны», в том же 2011 г. прошли выборы в Маджлис аш-Шура (Совещательный Совет), в результате которых в числе депутатов оказались и лидеры протестных выступлений. Султан тем самым дал понять, что ценит и критику, но только не в форме площадной ругани, а в виде конструктивной деятельности в стенах представительных учреждений. Уличные политики ничем себя особенно не проявили, и на выборах 2015 г. состав представительного органа решительно обновился за счет большего числа людей, профессионально подготовленных к законотворческой деятельности. Полномочия Маджлис аш-Шура становятся весомее от созыва к созыву, что предъявляет повышенные требования и к народным избранникам.

Там, где сохранилась историческая преемственность, в том числе привычная народам наследственная форма правления, монархия — это не пережиток прошлого, а живой политический организм, способный чувствовать запросы нации и встраиваться в многоукладную политико-экономическую среду современного мира. Действуя гораздо мягче, обдуманнее, чем многие внешне демократические режимы, монархия опирается на долгую историю взаимоотношений правящей семьи с национальным организмом. Многие ее решения пронизаны историческими реминисценциями, непонятными для внешнего наблюдателя, но инстинктивно воспринимаемыми нацией в контексте прецедентов, хранящихся в коллективной исторической памяти. И в ней же черпающих подтверждение легитимности принимаемых решений.

Мы наблюдаем редкий в истории пример того, как изначальный замысел реформатора, обогащаясь в процессе осуществления, обретает законченность. Гармоничные формы, в которые облекся проект восстановления бывшего авторитета и влияния страны, обусловлены прочной связью повседневности с историей Омана. Сумев разбудить в народе патриотический порыв на первом этапе

обновления древней земли, султан добился главного — чтобы этот порыв не угас с годами, преобразился в постоянную решимость каждого добавить свой голос в величественную ораторию перемен.

Достигнут этот впечатляющий результат не столько идейной мобилизацией, сколько созданием многочисленных взаимосвязей граждан и правящей элиты. Поручения, даваемые султанам своим министрам по результатам встреч с народом, реализуются не только в виде решения конкретных вопросов, но — что гораздо важнее — дают старт большой аналитической работе многих ведомств, в результате которых появляются проекты декретов монарха или новых законов. В этом отношении государственная машина султаната действует на тех же принципах, на которых совершается законотворческий процесс в демократиях западного типа. Вовлеченность большого числа людей, прежде всего специалистов, придиричивое обсуждение готовящегося документа на разных уровнях приводит к появлению взвешенного акта. Для знающего особенности этой процедуры кажется смехотворным мнение, что монархия — это самовластие одного лица.

Потоки информации, идущие от различных правительственных ведомств, фокусируются на министерстве Дивана. На этот орган возложена задача поддержания постоянной связи между монархом и кабинетом министров. Диван не выступает с предложениями законодательного характера — получив их от профильных министерств, он направляет их в Министерство юстиции, где осуществляется анализ проектов, если необходимо, привлекает специалистов для проведения экспертизы, а затем передает для рассмотрения в Совет Омана. Если изменения и нововведения в законодательство касаются экономической сферы, Диван создает рабочие группы из представителей частного сектора и государственных структур, которые рассматривают проблему комплексно. Такие аналитические центры (think tanks) действуют на регулярной основе, по мере надобности собираются также временные «партнерские группы» (partnership groups) в составе представителей правительства и бизнеса. Первые состоят из постоянного ядра (несколько государственных служащих и

экспертов), в случае необходимости обеспечивающего привлечение специалистов из бизнеса, академических кругов, юристов. Таким образом, можно говорить, что Диван становится прямой линией связи между монархом и общественностью.

Столь же ответственная является роль у Дивана в информировании главы государства. Султан должен знать, каково состояние народа, поэтому отчеты о происходящем в стране готовятся с предельной объективностью, чтобы не допустить своего рода изоляции монарха. В соответствии с духом времени аналитики Дивана готовят обзоры мнений пользователей Фейсбука, Твиттера и других социальных сетей. Папка в синей обложке, регулярно поступающая на рабочий стол Кабуса бин Саида, содержит диаграммы, показывающие распределение интересов интернет-сообщества. Это служит существенным дополнением к традиционным информационным сводками, готовящимся министерством иностранных дел, разведкой, полицией, экономическим блоком правительства. Но даже этот огромный объем информации не удовлетворяет султана, он следит за мировой прессой, смотрит телевизионные каналы, пользуется и частными источниками информации, позволяющими поддерживать постоянный контакт с народом.

Современная монархия значительно отличается от того полусказочного образа, который создают гламурные журналисты, эксплуатирующие тему Royals. Герои их писаний — словно ожившие Барби и Кен, обитающие на розовых облаках, далекие от политики, не ведающие проблем. На деле сегодняшние короли, эмиры и султаны вполне адаптировались к реалиям окружающего мира, сохраняют «конкурентоспособность» по отношению к республиканской форме правления. В борьбе за выживание монархии отказались от многих архаичных черт, стремясь представить себя как гармоничный институт, чуткий к запросам общества, наделенный способностью предвидения как новых возможностей для развития, так и новых угроз. Пока это удастся в полной мере — за последние десятилетия только давно ослабевшая королевская власть в Непале уступила дорогу парламентско-

президентской форме правления. «Арабская весна» протестировала местные монархии на устойчивость и выявила хрупкость псевдодемократий, опирающихся на окостеневшие партийные структуры. Хотя не так давно эти структуры оказались успешны в деле захвата власти, их диктат над обществом закончился крахом.

Немногие народы на земле сумели сохранить исторические формы власти. Но там, где уцелели правящие династии, сегодня царит общественное согласие, и политическая культура неизмеримо выше тех стран, где разнузданным толпам удалось низвергнуть троны и алтари.

События 2011 г. в разных концах арабского мира привели к значительному росту влияния здешних монархий. Трудно прогнозировать последствия этого, но они могут иметь и глобальный характер. Население Арабского мира к настоящему времени, по оценке ООН, может составить до 350 млн человек, примерно столько же населяют окружающие его Турцию, Иран и Пакистан. Все эти страны связаны общностью религии, культуры и исторической судьбы. Внешние силы стараются как можно сильнее разобщить их, так как, если будет найдена формула единства ядра исламского сообщества, вся конфигурация современного мира необратимо изменится. Пока преобладает тенденция к соперничеству.

В условиях, когда растет конфронтация между крупными странами региона, что остается малым государствам? Примкнуть к одной из сторон, потому что остаться непричастным невозможно. Таков напрашивающийся ответ. Во всяком случае, Саудовская Аравия призвала расширить состав Совета сотрудничества арабских стран Залива, включив в него далекие от региона Иорданию и Марокко. И даже более — преобразовать Совет в Союз арабских государств. Легко понять, кто стал бы играть первую скрипку в подобном объединении.

Оман осторожно относится к такого рода интеграционным проектам, не проявляет готовности поступиться своим суверенитетом

ради гипотетических выгод. И действия султаната на международной арене не вписываются в планы тех, кто стремится к дестабилизации региона. Так, он до сих пор не признал независимости Косово, не прервал дипломатические отношения с Дамаском. Даже в годы наибольшего давления на Иран со стороны Запада султан совершил два визита в Тегеран. Это активная миролюбивая политика, которая ощутимым образом воздействует на позиции крупных держав.

Wikileaks опубликовала примечательное донесение американского дипломата из Омана, который привел мнение султана Кабуса, прекрасно знающего своего северного соседа, так как имел тесные связи со всеми его правителями за последние сорок лет. Оманский монарх, в передаче автора донесения, очень точно выразил суть проблемы, возникающей в контексте отношений внешнего мира с Ираном: «Учитывая, что трудно будет предугадать политику Ирана до исхода президентских выборов, которые должны состояться в этом году, султан серьезно озабочен тем, чтобы Иран не сделал «какой-нибудь глупости» в смысле своей ядерной программы. Он не видит никакого другого пути, кроме побуждения американского правительства к прямому диалогу с Ираном, и призвал Вашингтон помнить о том, что Исламская республика это всего лишь оболочка все той же имперской Персии». Завершая свой отчет, дипломат еще раз подчеркнул: «Султан предостерег США: не нужно обманываться внешними декорациями Исламской Республики Иран. “Вы имеете дело с Персией, а не с Исламской республикой”». Конечно, трудно судить о достоверности депеш, опубликованных Wikileaks, но в данном случае точно передана суть взглядов султана, умеющего под тонкой оболочкой сиюминутности распознать определяющие тенденции, не подвластные времени. Он и в 1990-е гг., принимая решение о развитии отношений с Россией в разнообразных сферах, показывал тем самым, что видит наши тогдашние спотыкания преходящим эпизодом, понимал, перефразируя приведенную цитату из Wikileaks, что Российская Федерация — это всего лишь оболочка все той же имперской России.

Кабус бин Саид редко дает интервью. Он не считает продуктивным привлекать внимание к своей персоне. «Ненавижу

неумеренные восхваления и ориентирую наши масс-медиа не преувеличивать наши достижения и проявлять сдержанность в их освещении. Я принадлежу к тем, кто полагает, что дела говорят громче слов; итак, дайте людям видеть дела так, как они обстоят на самом деле — наше правительство стоит на такой точке зрения». Эти слова Кабус бин Саид произнес 10 лет назад в ходе беседы с редактором кувейтской газеты. Отвечая журналисту на вопрос о том, каким должен быть лидер — популярным, либо внушающим страх или уважение, султан сказал: «Брат Ахмед, если народ боится лидера и робеет говорить с ним, этот лидер обречен быть окруженным льстецами, кто восхваляет его злодеяния и побуждает следовать его страстям и желаниям, которые могут быть не безобидными. Он избежит от общества истинных реформаторов и советников. Ни один здравомыслящий правитель не станет следовать такого рода модели».

Наметившаяся в Арабском мире тенденция к укреплению влияния исламистов незаметна в Омане. Султан последовательно проводит демократизацию общественной жизни — здесь, в отличие от большинства соседних монархий, проводятся многоуровневые выборы на альтернативной основе, расширяются полномочия представительных органов, быстрыми темпами идет вовлечение женщин в общественную жизнь. Наблюдатели отмечают всесторонний прогресс культуры. Будучи утонченным меломаном, султан стремится и своих подданных приобщить к основополагающим ценностям мировой музыкальной культуры — им основан симфонический оркестр, учреждены авторитетные музыкальные фестивали и конкурсы. Осенью 2011 г. открылся первый на Аравийском полуострове оперный театр, блестящий образец сочетания богатых архитектурных традиций Омана и ультрасовременной театральной техники. Уже в первом сезоне на сцене маскатской оперы выступали мировые звезды, такие, как Рене Флеминг. Затем приезжали Пласидо Доминго, Йонас Кауфман и Дмитрий Хворостовский. С прекрасной новогодней программой гастролировала наша труппа Мариинского театра. За ней последовали Новая опера из Москвы, Пермский балет, другие известные коллективы из Европы, Индии, Южной Америки.

Сегодня, как и многие другие нефтедобывающие страны, Оман испытывает определенные трудности в реализации программ развития. Принимаются дефицитные бюджеты, некоторые проекты заморожены. Но, несмотря на это, древняя страна следует курсом всестороннего обновления. И его знаменем остается султан, выдающийся представитель династии, которой нация вручила власть почти три века назад.

Над проектом работали: Дарья Хаспекова, Мария Смекалова, Ирина Сорокина, Николай Мухин, Роман Майка, Алиса Замуруева, Александр Тесля и Дмитрий Пуминов

© 2016 Российский совет по международным делам, russiancouncil.ru